

За полночь.

Сорвав с лица маску, убийца с силой выдернул из плеча застрявший дротик. Зажав в зубах разорванный край собственной одежды, он занёс кинжал и принялся хладнокровно выскребать почерневшую от яда, гниющую плоть.

Мерцал огонек масляной лампы. Стоявший рядом пожилой мужчина молча открыл шкатулку с целебными мазями и порошками; вид обнаженных, страшных ран ничуть не испугал его.

— Задание провалено, тебе больше нельзя оставаться в Линчжоу, — холодно произнёс он.

Смертельно бледный наёмник закусил губу до крови, сдерживая крик. Его лоб покрылся крупным потом, рука продолжала работать лезвием, а в безумных глазах плескалась горькая обида:

— Всё сорвалось в последний миг... Всего на шаг опоздал. Если бы не этот проклятый слепец Чжао Мусяо...

Мужчина резким движением наклонил фарфоровый пузырек, высыпая на рану слишком много жгучего порошка.

От адской боли убийца едва не прокусил язык насквозь, выплюнув кровавую пену.

— Ты действовал опрометчиво и едва не сорвал план, который мы вынашивали столько месяцев, и до сих пор не каешься? — отчеканил чиновник. — На рассвете немедленно убирайся из города. Пойдешь сдаваться с повинной.

Стиснув зубы до скрежета, наёмник был вынужден проглотить унижение. С трудом выдавив из себя слова, он процедил:

— Чжао Ин... подчиняется.

Лезвие вошло глубоко в кость, глухо хрустнув. Окровавленный кусок омертвевшей ткани свалился в грязь на полу, и кровь брызнула фонтаном, забрызгав стоявшую внизу полуоткрытую шкатулку.

Капли темно-алой крови упали на ярко-синий лазурит.

Драгоценный камень тускло блеснул во мраке.

*

Чжао Мусяо сидел за столом, сжимая в пальцах злосчастную синюю бусину.

Под повязкой его глаза по-прежнему утопали в непроницаемой темноте. Вернувшись ночью из бамбуковой рощи, он тщательно умылся, наложил заживляющие примочки, но синева лазурита, увиденная им перед этим в свете костра, казалась теперь каким-то зловещим наваждением. Как он ни пытался восстановить в памяти те мгновения, перёд глазами стояла лишь пелена.

Он едва слышно вздохнул.

В тот же миг в полутемной гостиной раздался надрывный плач и мольбы о пощаде. На коленях перед ними стоял перепуганный слуга:

— Маленький князь! Клянусь, всё, что я сказал — чистая правда, я бы не смел лгать! Тот Ден Хэн подговорил меня подставить князя перед ревизором на предстоящем осеннем пиру... И приказал... приказал подбросить вот это письмо в рабочий кабинет Его Высочества...

— Бесстыдники! — вспыхнул А-Сянь. До этого он клевал носом от усталости, но теперь весь сон слетел с него мигом. Со злости он так треснул ладонью по столу, что стоявшая на нем чашка подпрыгнула. — До чего же низко и мерзко! Использовать такие грязные методы!

Чжао Мусяо строго спросил:

— Что за письмо?

Трясущимися руками Сян-юн извлёк из-за пазухи сложенный лист.

Цзин-ван выхватил бумагу из его рук, пробежал глазами первые строки — и миг ослабел в ногах. Его качнуло, он рухнул в кресло, хватая ртом воздух, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Муж! — испуганно вскрикнула княгиня, бросаясь к нему. Перехватив письма, она бегло просмотрела их, и кровь отхлынула от её лица. — Боже мой... почерк... почерк в точности как у Вашего Высочества!

А-Сянь тоже заглянул через плечо матери. Почерк действительно был поддельным лишь на самый искусный взгляд, а содержание... в каждом абзаце сквозила лютая ненависть к императору, тоска по мятежному князю Цзяню и откровенные призывы к бунту. Если бы этот пасквиль попал в руки ревизора, а тот сравнил бы его с подлинными рукописями Цзин-вана, оправдаться было бы невозможно. Император никогда не стал бы утруждать себя расследованием — проще было бы снести всю семью под корень.

В груди А-Сяня закипела ярость. С размаху пнув Сян-юна в грудь, он заорал:

— Ты совсем рехнулся?! Чем обидел тебя наш дом, что ты пошёл на такое предательство?! Если бы не брат, вовремя раскусивший твою гнилую сущность, ты бы действительно подкинул эту отраву отцу в кабинет?! И мы бы сдохли, даже не поняв за что?!

Удар пришелся в самую точку. Сян-юн захлебывался слезами, но не смел вздохнуть — он лишь яростно бился лбом о каменный пол:

— Помилуйте, юный господин! Я ведь не по своей воле! Сестренка хворает смертельно, если бы люди Ден Хэна силой забрали её в свой притон, она бы не пережила эту зиму...

— А если сестра не переживет зиму, так нужно пустить под топор весь наш род?! — взбесился А-Сянь.

Загнанный в угол слуга только бессмысленно хлопал глазами, захлебываясь рыданиями:

— Я виноват... Умоляю Вас, Ваша Светлость, ради долгих лет моей службы, простите дурака...

Понимая, что его казнят, Сян-юн в истерике принялся лупить себя по щекам, причитая о

совершенной ошибке.

Слушая этот надрыв, Чжао Мусяо тихо и веско произнёс:

— Сян-юн, ради сестры ты предал хозяев. Но неужели ты всерьёз верил, что после того, как ты выполнишь их грязную работу, чиновники из резиденции наместника оставят твою сестру в покое?

Сян-юн замер, словно пораженный громом, и завыл с новой силой.

Прижав пальцы к пульсирующим вискам, Цзин-ван покрылся холодным потом. В ушах до сих пор звенели крамольные строчки поддельных писем. Тело правителя крупно дрожало от ужаса и бессилья — он готов был сжечь эту проклятую бумагу в пламени свечи, но в этот момент раздался спокойный голос сына:

— Отец, нельзя жечь.

Цзин-ван судорожно отдернул руку от огня, схватившись за голову:

— Точно... это же вещественное доказательство. Но письма висят над нами дамокловым мечом, почерк ведь неотличим от моего...

— Это происки того подлеца Фэн Юньжуня! — гневно выплюнул А-Сянь. — Он раньше часто бывал в отцовском кабинете, видел его черновики, брал почитать редкие книги. Не вышло в прошлый раз, так теперь они снюхались с наместником! Какая подлость!

Бережно убрав бумаги в конверт, А-Сянь сжав кулаки, проклял себя за слепоту:

— Проклятье! Во всем виноват я! Учитель Сюй был прав: легче пережить гнев благородного мужа, чем связаться с ничтожным подлецом!

Понимая, что на кону стоит само существование их дома, княгиня с дрожью в голосе произнесла:

— Сегодня вечером люди наместника приходили уже трижды. Угрожали, сулили золотые горы, но требовали одного — чтобы вы обязательно появились на этом проклятом банкете. Как нам быть?

С одной стороны, посланцы наместника заявляли, будто возвращение маленького князя домой стало возможным лишь благодаря щедрости властей, поймавших работоторговцев, а потому явиться на пир — их прямой долг. С другой стороны, они недвусмысленно намекали: не явитесь добровольно — мы отправим в столицу депешу о том, что Цзин-ван замышляет мятеж. А придете тихо — никто в столице не узнает ни о каких письмах, дело замнут.

Цзин-ван тяжело вздохнул, смархивая слезу:

— И поделом мне... Спрятался в этом заброшенном Линчжоу, дожил до того, что стал пешкой в чужих руках. Титул есть, а толку?

Сосланный сюда без армии и реальной власти, он семнадцать лет находился под колпаком у

местных наместников. Шли годы, двор окончательно забыл о его существовании, и чиновники обнаглели окончательно: урезали содержание, разворовывали казну, а мелкие сошки в открытую плевали в сторону опального князя.

Все эти годы он выживал лишь благодаря беспредельной осторожности. Семнадцать лет хрупкого мира рушились в один миг из-за подлости негодяев. Он не винил никого, кроме собственного бессилия защитить семью.

Но при жене и сыновьях он старался держаться из последних сил.

А-Сянь метался по комнате, едва не выдирая на себе волосы:

— Если совсем прижмёт — я ночью проберусь в резиденцию и перережу этому наместнику горло! Мертвый он уже ничего не сможет сфабриковать!

— Глупости! — оборвал его Цзин-ван. — Он официальное лицо, наместник провинции, разве можно его просто так убить? Вся эта ловушка строится на расчёте нашей слабости. Они намеренно заманивают меня на пир, чтобы ревизор застукал меня за «незаконными связями с чиновниками», а потом на сцену выйдет Сян-юн со своими фальшивыми письмами. Если бы не проницательность Сяо-Сяо, мы бы узнали об этом только тогда, когда в наш дом ворвались бы стражники. Против такого союза с доверчивым к трону ревизором нам не выстоять.

Он горько усмехнулся:

— К тому же император терпеть меня не может. Моя жизнь для него ничего не стоит, никто не станет разбираться в деталях и восстанавливать справедливость. Идти на банкет нельзя, оставаться сложа руки тоже нельзя — тупик.

Выслушав отца, А-Сянь и княгиня помрачнели еще сильнее.

Заметив, что Чжао Мусяо сидит молча со сжатыми губами, А-Сянь робко дёрнул его за повязку:

— Брат, у тебя есть идеи?

Цзин-ван тут же запротестовал, не желая лишний раз волновать сына. Тот и так всю ночь мотался по горам вместе с этим Чу Суй, выбился из сил, а его воспаленные глаза снова покраснели. Не дожидаясь рассвета, князь хотел отправить его отдыхать, но в нынешней обстановке о спокойном сне не могло быть и речи.

Словно отвечая на их тревоги, Чжао Мусяо качнул головой, а затем уверенно кивнул.

А-Сянь просиял:

— Так есть план или нет?

— Отец, — спокойно произнес Чжао Мусяо. — Этот ревизор действительно так предан императору?

— Безусловно. На эту должность не назначают случайных людей, только проверенных приближенных престола.

- Тогда неудивительно, что наместник пошёл на такие сложные интриги, — рассудил юноша.
- Обычных драгоценностей ревизору оказалось бы мало, вот они и подстраховались фальшивыми свидетелями и вещами.
- Именно в этом вся сложность, — вздохнул княгиня.
- Вовсе нет, — возразил Чжао Мусяо.

Все уставились на него.

Положив синий лазурит на стол и прикрыв его сверху чайной чашкой, он вкратце пересказал ночные находки из тайника бандитов, опустив лишь опасные подробности схватки в лесу. Подытожив рассказ, он добавил:

- Любой тупик можно обойти.

В этот момент в залу влетел запыхавшийся Аньтун:

- Маленький князь! По вашему приказу наши люди дежурили у почтовой станции. Только что принесли весть: имперский ревизор уже прибыл на место!

Повернув голову в сторону дверей, Чжао Мусяо твердо произнёс:

- Раз прибыл раньше — тем лучше. Медлить нельзя.

Он протянул руку.

Аньтун, давно прислуживавший ему, тут же подал верхнее платье.

Чжао Мусяо неторопливо облачился в синий халат.

Цзин-ван растерянно выдохнул:

- Сяо-Сяо, ты куда собрался?

- К ревизору, — завязывая пояс, ответил он. — Сян-юн, предавших господина ждёт плачевная участь, но я даю тебе шанс искупить вину. Готов?

Сян-юн воодушевленный закивал, стуча лбом о доски пола:

- Готов! Благодарю маленького князя!

Смутно догадываясь о сыновнем замысле, Цзин-ван в панике замахал руками:

- Нет, Сяо-Сяо, нельзя! У тебя глаза воспалены, если кто и должен идти туда, так это я...

- Мое присутствие важнее, — упрямо бросил Чжао Мусяо, пальцами сжимая лазурит. — Отец ошибается, вам как раз появляться там нельзя. Если вы явитесь к нему тайком, император тут же заподозрит худшее. А вот мне — в самый раз. Я только что вернулся в семью, годы провёл в странствиях, да к тому же слеп. Если я разжалоблю его, покажусь несчастным сиротой, у которого не осталось другого выхода...

А-Сянь ахнул:

— Прямо сейчас?

— Если тянуть до осеннего пира, мы увязнем в их сетях окончательно, — отрезал Чжао Мусяо.

— Собираюсь немедленно. Отец, мама, А-Сянь, ждите меня дома.

Опору для шагов составлял лишь лёгкий бамбуковый посох, но силуэт в синих одеждах уже решительно шагнул за порог, растворяясь в ночной прохладе улиц.

Разговаривая полупшепотом, Чжао Мусяо со спутниками соскользнул с ветки дерева и приземлился аккурат между двумя растерянными стражниками у входа. Сян-юн от неожиданности едва не заорал во весь голос.

Охрана тоже переполошилась, вскидывая копьё:

— Кто идёт?!

Чжао Мусяо раскрыл ладонь, на которой лежал небольшой сверток из ткани, и негромко произнес:

— Чжао Мусяо из резиденции Цзин-вана, прошу аудиенции у имперского ревизора.

*

Внутри комнаты.

Имперский ревизор Чжоу Чэнь развернул ткань и увидел россыпь ярко-синих лазурных бусин со знакомыми старыми насечками. Проведя пальцем по царапинам, он хотел было прикинуть масштаб находок, но замер, боясь представить продолжение.

В глазах у него потемнело, ноги подкосились. Сжимая в потных пальцах злополучный камень, он обернулся к сундуку, доверху забитому сверкающей синевой, и выдавил из себя:

— Это...

Сундук резко захлопнулся.

Подняв голову, Чжоу Чэнь увидел Чу Сунхуэя, который неторопливо складывал веер и с мягкой улыбкой произнёс:

— Полно, Чжоу-дажэнь, к вам пожаловал мой будущий супруг. Ночь на дворе, не заставляйте его долго ждать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18550/1864967>